

После случившегося Ёко вновь решила ночевать под открытым небом.

Она продолжала бесцельно идти по дороге от города к городу. У неё не было денег, так что она не могла снять комнату или купить себе поесть. Конечно, она предпочла бы заночевать у городских стен вместе с беженцами, но стражники у ворот были настороже, и смешаться с толпой было проблематично, так что Ёко отбросила эту идею.

«Никто не встанет на твою сторону. Никто не поможет тебе. В этом мире нет никого, кто мог бы отнестись к тебе хоть немного добрее».

Так что, задумавшись о том, что её вновь обманули и предали, Ёко решила, что лучше уж она будет спать под открытым небом и отбиваться от ёма по ночам.

В новой одежде её как правило принимали не за девочку-подростка, а за мальчика ещё младше. В этом мире закон и порядок особо никем не охранялись. На пути часто попадались всякие подозрительные личности, но Ёко с готовностью отпугивала их мечом, если того требовала ситуация.

Днём она просто шла, подозрительно поглядывая на всех встречных путников. Ночью она шла, попутно отбиваясь от ёма. Ёко не рисковала спать по ночам, когда на неё могли напасть ёма, так что она стала вести ночной образ жизни, продвигаясь вперёд по ночам и отсыпаясь днём.

Периодически Ёко натыкалась на стоящие у дороги хижины, жители которых были не против продать ей еду. Но они торговали только днём, а у неё, в любом случае, не было денег, так что она практически ничего не ела.

Когда голод, наконец, пересилил негодование из-за поступка того старика, Ёко попыталась найти работу, но города были наполнены беженцами, так что свободных вакансий не было. Да и никто особо не горел желанием нанимать её на работу, пока она выглядела как ребёнок-сирота.

Ёма нападали на неё каждую ночь. И, как будто этого было недостаточно, иногда они появлялись даже днём. К тому же, Ёко продолжали преследовать видения, исходящие от меча, и изводящая её голубая обезьяна.

Вид её плачущей матери был для Ёко душераздирающим зрелищем. Ёко всё больше и больше хотелось убить эту обезьяну, хоть она и не могла этого сделать. Но, в любом случае, желание

увидеть её мать, увидеть её дом, всегда побеждало, равно как и желание поговорить хоть с кем-нибудь.

Меч показывал ей образы по ночам, словно бы отвечая на её тоску по дому. Ёко не знала, было ли это вызвано тем, что меч проявлял свои силы только по ночам, или же тем, что она бодрствовала ночью.

.После тех ночей, когда атаки ёма не прекращались, и у Ёко не было времени подумать о доме, всё её тело болело от переутомления. А в те ночи, когда у неё была передышка, из-за видений болело уже сердце. Она понимала, что ей стоило бы не смотреть на меч, когда он начинает светиться, но ей не хватало силы воли.

Этой ночью это случилось вновь: от меча начало исходить холодное свечение. Забравшись в горы, Ёко смогла на какое-то время оторваться от ёма и воспользовалась этим, чтобы отдохнуть под белым деревом.

В горах Ёко периодически попадались белые деревья. Они были не похожи ни на какие другие деревья. Кора этих деревьев была белоснежной, а ветви были настолько широкими и раскидистыми, что занимали места примерно как среднестатистический дом, хотя и не простирались также высоко. Ёко казалось, что в высоту дерево было всего лишь шесть или семь футов.

Лишённые листьев ветки, свисавшие низко над землёй, были тонкими, но необычайно твёрдыми. Их нельзя было перерубить даже мечом, словно бы они были сделаны из белого металла. Периодически на ветках встречались жёлтые фрукты, но они держались так крепко, словно были приварены к ним.

В темноте деревья испускали небольшое свечение, которое усиливалось, когда на небе была видна луна. Ёко нравилось любоваться этими деревьями.

Несмотря на низко свисавшие ветки, у основания ствола было достаточно места, чтобы удобно устроиться там. Почему-то ёма нападали на неё намного реже, когда она пряталась под этими белыми деревьями. Дикая собака, например, не беспокоили её вообще.

Сидя под деревом, откинувшись на его ствол, Ёко вглядывалась в меч. С тех пор, как она встретила того старика-кайкаку, прошло десять дней.

Из-за света, исходящего от веток дерева, свечение меча было едва заметно. Фрукты, свисающие с деревьев, переливались золотистыми оттенками. В этот раз Ёко увидела в мече не свою мать, как обычно, а целую группу людей. Вглядевшись, она поняла, что это были девушки в тёмной униформе. Они находились в комнате, заполненной рядами парт.

«Мой класс»

Девушки сидели без дела. Типичная сцена перемены, к которой Ёко привыкла. Увидев их чистые волосы, отглаженные костюмы, светлую кожу, и, сравнив это со своим текущим состоянием, Ёко громко рассмеялась.

- Ёко Накаджима? Я слышала, что она сбежала.

Тишину нарушил знакомый голос одной из её подруг. Внезапно на Ёко обрушился поток оживлённой болтовни.

- Сбежала из дома? Ты шутишь!

- Это правда! Она не болеет, как нам сказали вчера, она сбежала! Прошлой ночью мне звонила её мама. Я была очень удивлена!

«Должно быть, эта сцена происходила в прошлом».

- Поверить не могу!

- И она была старостой класса!

- Ага, одна из тех серьёзных тихонь, которые творят всякое, когда на них никто не смотрит.

- Это точно.

Ёко вновь рассмеялась. То, что произошло на самом деле, находилось далеко за гранью их воображения.

- Помните того странного типа, который появился в школу и ушёл вместе с ней? Я слышала, что он какой-то бандит.

- Парень? Думаешь, она была с ним?

- Да? Думаешь, они сбежали вместе?

- Так я слышала, да. Знаешь, почему все окна в учительской были разбиты? Это её парень разбил их.

- Серьёзно?

- Эй, а этот парень, а кто он вообще такой?

- Понятия не имею. Но у него были длинные обесцвеченные волосы. Смотрелось жутковато.
- Никогда бы не подумала, что Накаджиме нравятся металлисты.
- Или кто-то в этом роде, да.

«Кэйки...»

Ёко казалось, что она находится там, словно призрак, не способный пошевелиться. Она продолжила наблюдать за разворачивающейся перед ней сценой.

- Типа, все же знают, что она красила волосы, да?
- Разве она не говорила, что это её натуральный цвет?
- Не может быть! В смысле, ни у кого волосы не приобретают такой оттенок сами по себе.
- Но я слышала, что её рюкзак и куртка остались в классе.
- Ага, ну и что с того?
- Это было вчера утром. Я слышала, что Морицука нашла их.
- Но она же сбежала с тем парнем, разве нет? Получается, что она сбежала прямо в своей форме?
- Не тупи! А что, если она не сбежала? Тогда значит, что она просто исчезла.
- Страшно...
- Рано или поздно мы увидим объявления с её лицом на станциях.
- Ага. Её лицо на досках объявлений и её мама, раздающая листовки.
- Типа, видели ли вы эту девушку? Что-то такое, да?
- Эй, вам не кажется, что вас немного заносит?
- Да, не стоит нам лезть в это.

- Она сбежала из дома, вот и всё.

- Верно. Только когда так делают отличницы, все почему-то поднимают шум.

- Она сбежала со своим парнем. Никто не хочет этого признавать. Но когда девушка вот так вот влюбляется в парня, в её действиях не будет смысла, какой бы она не была.

- Да, это жёстко. Вы были с ней подругами, верно?

- Я лишь болтала с ней изредка. Если честно, она не слишком-то нравилась мне.

- Я знаю. Она постоянно выглядела так, словно она лучше нас всех.

- Ага, точно.

- Я слышала, что у неё очень строгие родители. Заставляли её соответствовать образу леди, или что-то в этом духе.

- Я о чём и говорю. Но это было полезно, она всегда делала домашку вовремя.

- Ну да, ну да. Кстати, я ещё даже не начинала делать домашку по математике.

- О, я тоже.

- Её кто-нибудь вообще сделал?

- Никто, кроме Накаджимы.

- Ёко, вернись, пожалуйста!

За этим последовал взрыв хохота. Вскоре образ перед глазами Ёко начал размываться и тускнеть. Фигуры мерцали и изгибались, постепенно исчезая. Вспыхнув напоследок, картинка исчезла. Свет угас. Перед глазами Ёко вновь находилось лишь лезвие меча.